

Чалова Лариса Владимировна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры германской филологии Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова», г. Северодвинск

laro4@yandex.ru

Графические средства выражения эмоций в рассказах О. Генри

Аннотация: Идентификация средств выражения эмоций в рассказах американского писателя XIX века О. Генри позволила уточнить список графических стилистических приемов, применяемых для речевых характеристик литературных персонажей.

Ключевые слова: графические средства, умножение графем, капитализация, шрифты, знаки пунктуации.

Набор языковых средств, используемых автором для кодирования эмоционального содержания, мы называем эмотивной окраской текста. Она определяет формальную сторону эмотивности текста. Ее особенностью является необходимость представления многослойного эмотивного содержания в виде последовательности языковых единиц, представляющих собой дискретные фрагменты этого содержания. Доминирующими языковыми единицами чаще выступают лексемы. Однако выявление эмоциональных компонентов текста происходит при помощи различного вида знаков, содержащихся в его поверхностной структуре.

В качестве важной особенности языковых средств выражения внутреннего переживания отмечается недостаточность одного языкового средства для передачи сложных эмоциональных состояний, необходимость актуализации в тексте целого комплекса средств для адекватной передачи эмоций.

Уникальность эмоций, сравнительно с другими объектами номинации, обнаруживается, прежде всего, в многообразии и богатстве языковых средств их выражения, которые включают соответствующую лексику, фразеологические конструкции, особую интонацию, порядок слов. Небезынтересным оказалось идентифицировать графические средства выражения эмоций в рассказах американского писателя XIX века О. Генри [1].

Существующие графические средства пунктуации недостаточно полно и адекватно передают все богатство и разнообразие интонаций живой разговорной речи. В связи с этим в художественной прозе широко применяются различные стилистически окрашенные графические средства, употребление которых в какой-то степени компенсирует недостаточность традиционных средств орфографии и пунктуации. Таковыми графическими средствами являются дефисация, удвоение (утроение) отдельных графем, написание слова или предложения особым шрифтом, отличительным от шрифта всего текста (курсив, подчеркивание, капитализация, разрядка), многоточие, тире. Смыслового различия между этими средствами нет. Стилистическая девиация заключается в том, что графическая презентация единицы высказывания или отрывка текста нарушает его гомогенность, зрительно отличается от графической презентации всего текста.

В художественных текстах предложение или его отдельная часть могут быть выделены при помощи другого шрифта или разрядки. Иногда использование данного средства не связано со стилистической функцией – графическая маркировка предложения курсивом или прописными буквами лишь указывает на факт цитирования. Иногда курсивом выделяется внутренняя речь персонажей. Во всех этих случаях

графические средства не передают фонетические особенности речи, а лишь указывают на цитату или изменение манеры изложения – переход от авторского повествования к передаче звучащей речи или внутреннего монолога.

Гораздо чаще курсив употребляют для логической или эмоциональной эмфазы, поскольку указывают на эмотивность всего высказывания или его части.

«I swore there and then, by ten thousand devils, that she should marry the first man we met after leaving the *chateau*, be the prince, charcoal-burner, or thief» («Roads of Destiny»).

«Клянусь тебе так и эдак, десять тысяч чертей, что она выйдет за первого мужчину, которого встретим, после того, как покинем *шато*; будь то принц, угольщик или вор»¹.

Необычное употребление французского заимствования *chateau* (from Old French *chastel*, *castle*) вместо привычного *village* уже выступает элементом аттракции. Его выделение курсивом придает всей фразе изысканность, даже таинственность: девушка, о которой идет речь, становится не деревенской простушкой, обычной племянницей хозяина таверны, а недоступной дамой, завоевать сердце которой не просто.

Выделение при помощи графических средств служебных слов указывает на акцентирование логического удара.

«Ah, would monsieur pardon that she occupied the stairway, but the shoe! – the naughty shoe! Alas! it would not remain tied. Ah! if monsieur *would* be so gracious!» («Roads of Destiny»).

«Ах, если б монсьеюр простил ее за то, что она застряла на лестнице, но эта туфля! – эта противная туфля! Увы! Она так неудачно завязана. Ах! *Был бы* монсьеюр милостив!».

Повторяющиеся междометия и восклицательные знаки указывают на негативные эмоции – нервность от неловкого положения девушки, застрявшей на лестнице из-за развязавшихся лент на туфле. Обилие знаков пунктуации передает высокую степень эмотивности внутренней речи девушки. Выделенный курсивом вспомогательный глагол *would* ставит акцент на неисполнимости желания, т. к. действие описано в сослагательном наклонении. Здесь логическое ударение передает нереальность действия.

Курсив, однако, чаще используется для выделения основного смыслового глагола.

Например: «Can't you do something, Ralph *try*, won't you?» («Retrieved Reformation»).

«Неужели вы ничего не можете сделать, Ральф? *Попытайтесь*, а?».

Здесь описаны отчаянные попытки открыть дверь в кладовую комнату, где случайно оказалась маленькая Агата, запертая своей старшей сестрой Мэй. Анабель, умоляя о помощи, обращается к Ральфу даже не с просьбой, с мольбой: курсив усиливает эмотивность ее голоса.

Вновь в рассказе наблюдаем графически девиантные отрезки текста:

«It had been more than a year now since *those last profession jobs*, and he thought he could safely venture out» («Retrieved Reformation»).

«Прошло уже больше года с тех пор, как он бросил *свою профессию*, он думал, что теперь он мог бы спокойно уехать».

Курсив в этом случае указывает на ироничную номинацию так называемой профессии бывшего заключенного № 9762 – взломщика сейфов.

Употребление прописных букв, разрядка или прочее употребление разных шрифтов используются писателем для логической или эмоциональной эмфазы.

¹ Здесь и далее перевод авторский – Ч. Л.

«Jimmy Valentine put on his coat, and walked outside the railings toward the front door. As he went he thought he heard a far-away voice that he once knew call RALPH! But he never hesitated» («Retrieved Reformation»).

«Джимми Валентайн надел пальто и вышел из-за перил, направляясь к двери. Тут он подумал, что слышит когда-то знакомый далекий голос, который позвал его РАЛЬФ! Но он никогда не колебался».

Капитализация здесь выполняет функцию не только именованная, хотя именно это имя выбрал для своей новой жизни бывший заключенный; мистер Ральф Спенсер, феникс, возникший из пепла Джимми Валентайна – он приобрел уважение в обществе, собирався жениться на мисс Анабель Адамс, его невеста гордилась им не меньше, чем любила; в доме у мистера Адамса он стал своим человеком. Поэтому капитализация имени собственного RALPH – эмоциональная эмфаза, «маяк» и «пароль» в новую жизнь.

Другой пример графической девиации:

«If I thought you possessed the faintest conception of what is the sign manual of a GENTLEMAN, or what is due one, I would call you out, sir, old as I am. I will ask you to leave the room, sir» («The Duplicity of Hargraves»).

«Если бы я был уверен в том, что вы, сэр, хотя бы отдаленно представляете себе, что входит в понятие ДЖЕНТЕЛЬМЕН и чем это звание подтверждается, я даже в свои годы вызвал бы вас. Прошу вас покинуть эту комнату, сэр».

Капитализация лексемы GENTLEMAN весьма значима: радушное и доверительное отношение к молодому человеку было искренним, по-настоящему отеческим со стороны престарелого майора. С высокой долей уважения произносит Толбот это слово – как комплимент, с пиететом и повышением голоса. Но он считает себя обманутым и осмеянным, он расценивает актерскую игру молодого Харгрейвза как употребление во зло его гостеприимства.

Одной из важнейших функций графических средств художественного произведения является создание речевой характеристики персонажей. Известно, что речевая характеристика – это особый подбор слов, выражений, оборотов речи и т. п., выступающий как средство художественного изображения действующих лиц литературного произведения. Известны две разновидности графических средств в зависимости от сферы их применения: выделяющие целое предложение, отдельное слово или словосочетание.

В рассказе «The Hiding of Black Bill» человек, называющий себя Персиваль Сент-Клер, подозревает, что хозяин ранчо, на котором он работает, может быть известным грабителем, находящимся в розыске. Когда главный герой открыто говорит о такой возможности, хозяин ранчо отвечает ему:

«If I was Black Bill I wouldn't be afraid to trust you» («The Hiding of Black Bill»).

«Что ж, будь я Черным Биллом, я бы не побоялся довериться вам».

Выделение курсивом глагола *was*, передает эмфатическую интонацию, показывая возмущение таким невероятным, по его мнению, предположением, которое вообще могло прийти в голову его работнику. Усиливает возмущение и морфологическая транспозиция – использование некорректной морфологической формы *was* (вместо *were*) – свидетельство низкого уровня образования или незнания основ английской грамматики говорящего.

В рассказе «No Story» молодая девушка Ада Лоуери приезжает в Нью-Йорк из небольшого городка, чтобы найти своего друга Джоржа Брауна. Она никогда раньше не была в таком большом городе, поэтому думает, что сможет узнать, где живет ее

друг у любого прохожего. Этим прохожим оказывается один из героев рассказа по имени Трипп, служащий технического отдела газеты, в которой работает рассказчик. Трипп приходит к рассказчику, чтобы сообщить ему, что у него есть прекрасная история для его статьи:

«It's a girl. A beauty... She stopped me on the street and asked me where she could find George Brown. Asked me where she could find *George Brown in New York City!*» («No Story»).

«Девушка. Красавица... Она остановила меня на улице и спросила, как ей найти Джорджа Брауна. Спросила, как найти *в Нью-Йорке Джорджа Брауна!*».

При помощи курсива автор показывает, что герой произносит вторую часть предложения более эмоционально, выделяя ее голосом или сопровождая жестом удивления. Трипп поражен, что провинциалка не осознает масштабов огромного города. Курсив передает иронию говорящего относительно наивности девушки, которая считает, что все жители Нью-Йорка должны знать друг друга.

«On the *qui vive* in a house at the corner of the Rue Esplanade was Captain Tetreau with twenty men, ready to pounce upon the conspirators when they should appear» (Roads of Destiny»).

«*В состоянии боевой готовности* в доме на углу Ру Эспланада находился капитан Тетро с двадцатью мужчинами, готовыми внезапно напасть на заговорщиков, когда те появятся».

Инверсионное использование французского заимствования *qui vive* (sur le *qui-vive*. *Qui vive?* – оклик часового) и его выделение курсивом подчеркивает в данном случае национальную принадлежность капитана Тетро.

Графическими средствами, в частности многоточиями, использованием заглавных букв и сегментацией слов при помощи дефисации, может передаваться и паузация речи, отражающая нерешительность, сомнение или волнение говорящего.

«Great pirates!» say I; «of all the impudent –» («The World and the Door»).

«Великие пираты!» – говорю я, – «да ведь этакой наглости –».

В данном примере при помощи дефисации автор показывает негодование героя. Он шокирован реакцией мистера Эбензера Дорсера на требования выкупа. Негативные эмоции переполняют его, слов не хватает, поэтому предложение усечено, тире завершает его.

В рассказе «The Duplicity of Hargraves» мисс Лидия с прискорбием узнает, что деньги закончились, и она обращается «за консультацией» к своему отцу майору Пендлтону Толботу. Номинативное вопросительное предложение в начале диалога с дочерью указывает на отсутствие предикации не только в синтаксической структуре дискурса, но и на отсутствие реальных действий самого говорящего:

«No money?» said he with a surprised look. «It is quite annoying to be called on so frequently for these petty sums. Really, I –» («The Duplicity of Hargraves»).

«Нет денег?», сказал он, удивленно глядя на нее. – «Досадно, когда тебя так часто донимают по таким пустякам. На самом деле я –».

Последнее эллиптическое предложение завершается дефисацией, указывающей на взволнованность отца, который в это время лихорадочно ищет не подходящие слова своей дочери, а деньги в кармане. Найдя только банкноты на сумму два доллара, он перекладывает их в другой карман и меняет тему разговора.

Примеры апозиопезиса и повторов часто сопровождают устную диалогическую речь для большей выразительности.

Графически недосказ выражается дефисацией с последующим повтором:

«You were there? I didn't know *you ever*... I didn't know you cared for the theatre. Oh, I say. Major Talbot», he exclaimed frankly, «don't you be offended» («The Duplicity of Hargraves»).

«Вы тоже там были? Я не знал, что *вы когда-либо*... Я не знал, что вам нравится театр. Говорю вам, майор Толбот», – воскликнул он с жаром, – «не обижайтесь».

Сбивчивая речь актера Харгрейвза указывает на его смущение: молодой человек не хотел оскорбить пожилого майора, представляя его смехотворную напыщенность во вчерашнем спектакле. Поэтому говорящий не сразу находит подходящие пояснения: паузация заменяет их. Другой пример апозиопезиса:

«Over nine hundred dollars they had cost him to have made *at ...*, a place where they make such things for the profession» («Retrieved Reformation»).

«Более девятисот долларов стоило ему изготoвить этот набор *в...*, *короче там*, где изготавливают подобные инструменты для его профессии».

Джеймс Валентайн – профессиональный взломщик сейфов с гордостью рассматривает свою коллекцию отмычек и прочих приспособлений. Это был набор, сделанный из стали особого закала, новейшие образцы буравчиков, резцов, некоторые новинки он изобрел сам. Чтобы сохранить секретность происхождения своего инструмента, он не хочет называть то место, где его изготавливали, поэтому синтагма заканчивается многоточием, а новая начинается с неопределенного артикля, туманно намекая на неизвестность места. Хезитация указывает на нежелание говорящего назвать конкретный пункт.

Недомолвки становятся понятными благодаря контексту, так из диалога между врачом и пациентом становится все ясно:

«It's the haemoglobin test», he explained. «The color of your blood is wrong».

«Well», said I, «I know it should be blue; but this is a country of mix-ups. Some of my ancestors were cavaliers; but they got thick with some people on Nantucket Island, so – » («Let Me Feel Your Pulse»).

«Это тест на гемоглобин», – пояснил он. «У вас плохой цвет крови».

«Ну, да, ему бы следовало быть голубым, но мы живем в стране полукровок. Кое-кто из моих предков были рыцарями, но они сумели установить связи с островитянами Нантакета, так что –».

Такого рода недомолвки часто создают комический эффект: врач имеет в виду недостаточно насыщенный цвет крови из-за низкого содержания гемоглобина, а пациент намекает на неразборчивость сексуальных связей своих предков. Дефисация не всегда заканчивается пояснениями, в таком случае трудно говорить о позитивной коммуникации, т. к. партнеры не понимают друга.

«Then he looked grave and mentioned a string of grievances that the flesh is heir to ... mostly ending in *-itis*. I immediately paid him fifteen dollars on account» («Let Me Feel Your Pulse»).

«Затем он глянул на меня мрачно и упомянул несколько болезней, передаваемых наследникам ... большая часть их заканчивалась на *-итис*. Я тут же заплатил ему 15 долларов в кредит».

Незнание медицинских терминов породило у пациента панику, он испугался и решил на всякий случай заранее заплатить строгому доктору во избежание неприятностей в будущем.

Многоточие также передает хезитацию и сомнения говорящего. В диалогической речи продолжение коммуникации возможно, если другой партнер способен прерывать и менять ход дискурса в нужном направлении.

«What you need», he decided, «is sea air and companion-ship».

«Would a mermaid ... » I began; but he slipped on his professional manner.

«I myself», he said, «will take you to the Hotel Bonair off the coast of Long Island» («Let Me Feel Your Pulse»).

«Все, что вам нужно», – решил он, «это морской воздух и общество».

«Надо ли русалок...», – начал я, но он свернул профессиональный тон.

«Я сам отвезу вас в отель «Бонар» на побережье Лонг-Айленда».

Особо следует остановиться на таком графическом средстве, как «умножение» (удвоение, утроение) отдельных графем, которое, как правило, служит для передачи нервного состояния персонажа. Обычно автор использует этот стилистический прием для демонстрации отрицательных эмоций, таких как неловкость, смущение, нерешительность, озабоченность, гнев, возмущение. В рассказе «No Story» вновь графические средства, а именно удвоение графем, показывает волнение девушки, которая рассказывает о своей жизни незнакомому человеку:

«I met *Mr.-Mr.* Snip on the street and asked him about a friend of mine... But last night I got thinking about *G-George* and I – » («No Story»).

«Я встретила *мистера-мистера* Сnipпа на улице и спросила его об одном моем знакомом... Но вчера вечером я подумала о *Дж-Джордже* и я – ».

Многоточия и тире в конце синтагм также свидетельствуют о смущении говорящей.

Подобные примеры часто используются для обозначения и речевой характеристики героев. Графика выступает в роли аттракции дефектов речи – заикание, шепелявость, неграмотность, наличия диалектных признаков или возрастных особенностей говорящего. В рассказе «Roads of Destiny» мы сначала слышим, а потом начинаем «узнавать» своеобразную манеру говорения странного хозяина таверны:

«My lord», said the landlord, bowing to the floor, «*h-had I ex-expected* this honor, entertainment would have been ready. *T-t-there* is wine and cold fowl and *m-m-may-be...*».

«Candles», said the marquis, spreading the fingers of one plump white hand in a gesture he had. «Y-yes, my lord». He fetched half a dozen candles, lighted them, and set them upon the table («Roads of Destiny»).

«Милорд», – низко кланяясь, вымолвил хозяин, – «*м-мог ли я рас-расчитывать* на такую честь, развлечение можно было бы приготовить. *В-в-от* вино и холодная курятина, а *м-м-может* быть...».

«Свечи», – произнес маркиз, показывая пальцем белой дородной руки своеобразный жест. «*Д-да*, милорд». Он достал с полдюжины свечей, зажег их и установил на столе.

Повторы фонем в данном случае – не столько признак анатомического заикания, как примета речевой характеристики литературного персонажа, но и демонстрация подобострастия, даже страха перед именитым нежданным гостем.

Справедливости ради стоит заметить, что корпус графических средств, привлекаемый американским писателем в исследуемых рассказах, не велик.

Несмотря на то, что графическое выделение располагается на самом нижнем ярусе строения текста [2], оно вносит существенный вклад в увеличение содержательной емкости художественного произведения, отражая эмоциональное состояние действующих лиц, особенностей их речи. Графические приемы эффективно используются автором для индивидуализации речевой партии персонажа. При анализе рассказов О.Генри обнаружен тот факт, что с целью передачи эмоционального состояния персонажей, американский писатель использует различные графические стилистические приемы, что придаёт высказыванию особый эффект, а передаваемым эмоциям – живость и натуральность.

Ссылки на источники

1. Henry, O. Short stories. – New York: Odyssey Press, 1969.
2. Кузнец М. Д., Скребнев Ю. М. Стилистика английского языка. Л.: Наука, 1960. – 173 с.

Chalova Larisa,

psychol. candidate, ass. Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Humanitarian institute

Annotation. Identification of expressive devices to render emotions in the Short stories of American writer O. Henry (XIX century) allows to clear up the list of graphical stylistic devices applied to depict the speech peculiarities of literary characters.

Key words: graphical stylistic devices, double graphemes, capitalization, printing, punctuation.